

сударств мы можем найти сведения о существовании как рабства, так и колоната.

Положение затрудняется и ввиду многозначности последнего термина. Для римских юристов он охватывал всех арендаторов земли, состав которых, со всех точек зрения, был очень пестрым. Их положение, роль в данной социально-экономической системе проследить дифференцированно часто невозможно или очень трудно. Столь же трудно судить о соотношении всех этих форм с рабством. Например, говорят о замене труда рабов трудом колонов, но аргументируют это утверждение в общем недостаточно основательно. Обычно ссылаются на знаменитое письмо Плиния Младшего, в котором он сообщает о своем решении сдать имение издольщикам. Но речь там идет не о переходе от труда рабов к труду колонов, а о переходе от денежной аренды, разорившей прежних съемщиков, к аренде издольной. Мы не имеем никаких оснований полагать, что крупные провинциальные сальгусы типа известных нам по африканским и малоазийским надписям, когда-то были рабскими латифундиями, лишь впоследствии разделенными между колонами, ибо в наше поле зрения они попадают только вместе с последними. С другой стороны, мы видим рабовладельческие виллы, по-видимому, остававшиеся таковыми на протяжении всей эпохи империи, хотя и там нередко часть земли сдавалась в аренду. Мы можем утверждать, что в последние века законодательство уделяет основное внимание колонам и что это свидетельствует о возрастании роли именно их труда. Но весьма спорным будет утверждение, что это относится ко всем типам хозяйств. Вполне вероятно, что данный факт объясняется не общей заменой труда рабов трудом колонов, а тем, что на передний план выдвигаются те уклады, те производственные ячейки, в которых мелкие держатели земли всегда играли ведущую роль, хотя собственники земли при этом владели и большим числом рабов — квалифицированных земледельцев, пастухов, ремесленников, слуг, служащих административного персонала.

Те же трудности возникают и при анализе положения в государствах, сменивших Римскую империю, где мы снова встречаем и разные типы хозяйств, и различные категории колонов и рабов.

Наконец, по-видимому, в попытках точно определить, где во множестве переходных форм кончается рабство и начинается феодальная зависимость, будет неизбежно присутствовать тот же осужденный В. И. Лениным педантизм, который был свойствен аналогичным попыткам «с точностью аптекарских весов» определить, где в хозяйствах пореформенной России кончается крепостничество и начинается «чистый капитализм»²³.

С другой стороны, как известно, смена формаций определяется сменой отношений собственности. Для античного мира определяющей была античная форма собственности, воплощенная в античном городе. И, по-видимому, о принадлежности какого-либо общества к античному рабовладельческому можно судить скорее не по положению рабов и колонов, а по характеру существовавших в этом обществе городов и их соотношению с другими формами собственности. Возможно, исследования, проведенные под соответствующим углом зрения, приблизят нас к решению «вечной» проблемы падения античного и генезиса феодального строя.

²³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 46.